

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

**Рабочие – предприниматели – власть
в конце XIX – начале XX в.:
социальные аспекты проблемы**

**Материалы V Международной научной конференции
Кострома, 23–24 сентября 2010 года**

ЧАСТЬ I

Кострома
2010

ББК 63.3(2)53-282.1я43
P121

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:
А. М. Белов (ответственный редактор),
Л. И. Бородин, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов,
А. В. Новиков (заместитель ответственного редактора)

P121 **Рабочие** – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010 – Ч. I. – 197 с.

ISBN 978-5-7591-1137-5

В сборник вошли материалы V Международной научной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы», состоявшейся в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда 23–24 сентября 2010 года.

Авторами освещены новейшие подходы и методы исследования рабочего вопроса и социальные аспекты модернизационного развития России на протяжении второй половины XIX–XX столетий. Особое внимание уделено вопросам историографии, источниковедения и методологии изучения рабочих и предпринимателей России.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)53-282.1я43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-14037г)*

ISBN 978-5-7591-1137-5

© А. М. Белов, составление, 2010

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010

-
- ³ ГАРФ. Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 126. 1917. Д. 11. Ч.2. Л.6
⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп.5. Д. 3540. Т. 2. Л. 41
⁵ ГАРФ. Ф. 102. 4 Д-во. Оп. 126. 1917. Д. 90. Ч.2. Л.9-11
⁶ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. 3. Л., 1924. С. 40-41. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1979. С.200
⁷ ГАВО. Ф. 266. Оп.1. Д. 1470. Л. 3-4
⁸ Лаверычев В.Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны 1914 – феврале 1917 г. М., 1957. С. 59
⁹ ГАВО. Ф. 266. Оп.1. Д. 4887. Л. 5-6
¹⁰ Там же. Д. 4870. Л. 3
¹¹ Там же. Д. 4887. Л. 3-4
¹² Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 52
¹³ Отчеты больничной кассы при фабриках Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры за 1914, 1916 и 1917 годы. Кострома, 1915, 1917, 1918. С. 15, 11, 5.
¹⁴ Лаверычев В.Я. Указ. соч. С. 63-64
¹⁵ Там же. С. 64
¹⁶ Там же.
¹⁷ Условия быта рабочих в дореволюционной России. М., 1958. С. 116

Л.И. Сизинцева

«Тетради рассказов» музейных экспедиций 1950-60-х гг. как источник по истории самоощущения дореволюционных рабочих.

Увлечение устной историей – веяние последнего времени. Однако уже в 1950-х гг. по инициативе Государственного исторического музея начались экспедиции с целью тематического комплектования фондов. Причиной тому стала необходимость построения экспозиций, посвященных периоду капитализма в России, – и их необеспеченность музейными предметами. Были организованы Донбасская (1952) и Сормовская (1953) экспедиции. По инициативе сотрудницы музея Э.С. Коган помимо обычных перечней собранных предметов (коллекционных описей), участники экспедиций вели «книги рассказов». «В итоге, – констатировала А.Я. Закс, – музей стал обладателем бесценной коллекции мемуаров рабочих»¹.

Исторический музей был всероссийским методическим центром, поэтому его опыт получил распространение и в провинциальных музеях, столкнувшихся с той же неполнотой фондовых предметов и информации. Зимой 1960-61 гг. сотрудники Костромского музея-заповедника Н.Н. Яблокова (заведующая историческим отделом), Ю.Г. Шереметева и Устинова предприняли экспедицию по фабричному району Костромы. Поводом стало предоставление музею зданий Ипатьевского монастыря. Необходимо было строить новые краеведческие экспозиции, в числе которых должны были находиться разделы, посвященные развитию капитализма и империализма в крае. В фондах же музея, основание которых было заложено

¹ © Л.И.Сизинцева, 2010

жено собраниями Костромской ученой архивной комиссии и Костромского научного общества, предметы для этих разделов отсутствовали.

Сотрудницы музея получили на комбинате им. В.И. Ленина (бывшей Большой Костромской льняной мануфактуре) адреса старожилов, активистов партийной и профсоюзной работы, и отправились к ним в надежде найти предметы для включения в экспозицию. Однако необходимость записи рассказов сдатчиков уже к тому времени прочно вошла в обиход музейщиков. Поэтому тетрадь рассказов приложена и к коллекционной описи КОК 16326².

Это общая тетрадь в коричневом коленкоровом переплете, в которой заполнен 51 лист. Листы не нумерованы, поэтому и в тексте статьи отсылка будет делаться к номеру рассказа. В историческом отделе Костромского музея-заповедника до переезда из Ипатьевского монастыря хранился черновик этих записей, отличавшийся от белого варианта лишь большей небрежностью, вполне объяснимой необходимостью записи с голоса, и многочисленными грамматическими правками.

Рассказ № 1 был записан 24 ноября 1960, а последний, № 30, – 8 февраля 1961, так что на работу в этом направлении ушла вся зима. Практически все опрошенные жили в фабричном районе.

Запись интервью велась от руки, поэтому информация фиксировалась в третьем лице короткими предложениями, передавалось только основное содержание рассказанного. Формуляр включал дату записи, адрес, фамилию, имя, отчество и год рождения, в редких случаях прямого цитирования текст заключался в кавычки. Схема рассказа представляла собой биографию информанта, начиная с вопросов о происхождении, времени и причине прихода на фабрику. Размеры записи колебались от одного – двух абзацев³ до 6,5 страниц⁴.

Текст позволяет судить о том, что особый интерес у интервьюеров вызывали вопросы тяжелого положения рабочего класса, – условия труда, заработная плата, спаивание рабочих, притеснения начальства, наказания, революционная борьба. Одним из вопросов было отношение к представителям администрации, специально выявлялись знакомства с известными революционерами (об этом можно судить по фразам вроде «фамилий Семенова и Буянова не слышал»). Спрашивали, что нового внесла в жизнь рабочих революция.

Одним словом, ожидалось подтверждение официальной партийной установки: все, что было до революции, – было плохо, поэтому широкое распространение и получили разные формы классовой борьбы. Некоторые информанты охотно отзывались на негласный призыв, оперировали «новоязом»: «Фабричные лабазы угнетали женщин»⁵. Однако, далеко не все стремились к этому, и, если полученная информация не совпадала с установкой, то она все равно фиксировалась, что позволяет говорить о стремлении к объективности записи.

В случае, когда по особым обстоятельствам жизни информант мог сообщить нестандартную информацию, ее тоже записывали. Так, А.С. Козловский (1884 г.р.)⁶ сообщил только даты строительства различных корпусов фабрики, как до его появления на БКЛМ в качестве строителя (1903 г.), так и позже, до 1915 г. включительно. Больше никаких вопросов ему и не задавали. От Е.С. Булкиной 1883 г.р. была записана информация о её деде, который был крепостным и натерпелся от злобной барыни. А.В. Морозова⁷ подробно рассказала о работе официанткой в чайной «Колпаки». Однако подобные отступления были единичными.

В двух случаях⁸ информация была получена от внучки и вдовы. Однако и в некоторых других случаях записывались рассказы о родителях и дедах, если они тоже работали на фабрике. 12 опрошенных были первым поколением, вышедшим из деревни, остальные пришли на фабрики вслед за родителями.

Из 30 опрошенных было 12 мужчин, остальные – женщины. Самой старшей из информантов, Е.Н. Шумиловой, был 81 год⁹. Самая молодая, Н.Н. Ступишина (Веселова)¹⁰, родилась уже в советские годы (вероятно, поэтому год рождения при записи не был указан), она работала на фабрике в 1932-37 гг. после окончания текстильного техникума. Обращение к ней было связано с тем, что на БКЛМ работали её дед, С.Т. Веселов, о котором она сообщила любопытные сведения, и её отец.

Большая часть информантов родилась около 1890-го, плюс-минус три года, в 1917 г. они были сравнительно молоды – до 30-ти лет. Вероятно, именно поэтому наиболее яркими воспоминаниями были приход на фабрику, обучение в фабричном училище, связанное с его окончанием повышение по службе.

Для девочек из деревни трудовая жизнь начиналась с того, что их отдавали в город в няньки¹¹. При этом работа на фабрике была настолько желанна, что в ряде случаев уговаривали священников приписать возраст¹².

В случае с потомственными рабочими часто упоминание о том, как на работу из деревни везли на санках и потеряли по дороге¹³. Вообще, маленькие дети и до официального введения ограничений по возрасту в цехах не приветствовались. Так, С.В. Комаров (1891 г.р.) рассказывал о матери, которая пошла на работу на Михинскую фабрику шести лет: «Михин не любил маленьких, поэтому ей приходилось при его появлении прятаться под подол работниц»¹⁴.

Мальчики обычно устраивались съемщиками, – самый легкий труд, не требовавший квалификации. Большой проблемой для детей было не заснуть между съемами. Если это не получалось, то задремавших наказывали, на Зотовской фабрике били ногайками¹⁵, на Кашинской употребляли штрафы, а иногда просто таскали за уши¹⁶, что детей впечатляло значительно больше. Расшалившись, они начинали бросаться катушками, если разбивали стекла, – следовал штраф¹⁷.

В воспоминаниях постоянно упоминаются случаи перехода с одной текстильной фабрики Костромы на другую. Для молодежи, детей и подростков часто определяющим мотивом были условия обучения в фабричном училище. Так, в одном случае переход из одного учебного заведения в другое объяснялся тем, что там давали сайку на завтрак¹⁸. Взрослые чаще соблазнялись более высокими заработками.

Но перевод из школы в школу обозначал и переход с одной фабрики на другую. Именно эти обстоятельства обеспечивали конкуренцию между владельцами предприятий, старавшихся устроить при фабрике училище более высокого уровня, дающее льготы по воинской повинности, или обеспечивающее дополнительные возможности для получения новой специальности или ремесла.

Школа обеспечивала карьерный рост, служила «социальным лифтом». На фабрике Третьяковых «окончившим успешно это училище давали любое место на фабрике»¹⁹, выпускников принимали в любой цех, по желанию подростка. Училище считалось двухклассным, но обучение продолжалось в течение 5 лет, три года в первом классе и два во втором. Желающие могли продолжать обучение в средних и высших учебных заведениях, рассчитывая на стипендию от предприятия.

Третьяковы гордились кадрами, возвращенными на фабрике. В юбилейном очерке отмечалось: «Некоторые из окончивших школу получают дальнейшее образование (директор прядильни инж.-техн. Федор Иванович Перунов также воспитанник фабричной школы), а обычно, оставаясь работать на фабрике же, они занимают места средних и низших служащих»²⁰.

Однако не только успешная учеба могла стать началом «пути наверх». В этом отношении примечательна судьба Семена Тарасовича Веселова. В ходе той же экспедиции 1960-61 гг. в фонды музея-заповедника была принята рукопись, где С.Т. Веселов отмечал ежегодный рост своего жалования с момента поступления на фабрику в 1870 г. ночным смотрителем, когда он получал 25 р. в месяц. Последней датой, отмеченной в рукописи, стал 1896 г. с жалованьем 185 р.²¹ Подробно были записаны все имена его непосредственных руководителей, знаки внимания со стороны владельцев фабрики. Сама рукопись – памятник самосознания рабочего, который «сам себя сделал».

По сведениям, сообщенным его внучкой, Н.Н. Ступишиной, дед «путем повышения стал работать заведующим прядильным отделом. Был изобретателем и получал 600 руб. в месяц»²² В юбилейном очерке 1911 г. о механической мастерской БКЛМ было написано: «своими силами, благодаря таланту и энергии своего прядильного мастера, Семена Тарасовича Веселова, она выпустила целую фабрику вполне достаточных размеров»²³. В завещании П.М. Третьякова ему было отказано пять тысяч рублей²⁴.

Любопытна в этой связи одна запись, отголосок обиды слесаря А.Ф. Косопанова, запомнившей его сыну: Веселов изобрел ватер, полу-

чил медаль «За труд и искусство», а слесарь, делавший машину – только 100 рублей. Это казалось несправедливым²⁵.

На фабрике же работали дети и внуки Семена Тарасовича. Но рабочие позже вспоминали: «Н.С. Веселов был грубоват. Если провинится мастер, мог дать ему пощечину. Во время обхода Веселов давал подзатыльники. Отец Николая Семеновича был грубее»²⁶, – последнее утверждение расходилось с другими воспоминаниями: «Хорошим был [С.Т.] Веселов, сын его, Н.С. Веселов, – хуже, сердитый»²⁷.

Сравнение было особенно явным, когда сравнивать приходилось представителей двух поколений одной семьи руководителей. Ткацкой и отбельной фабриками БКЛМ заведовали отец и сын Полкановы. Рабочие вспоминали: А.В. Полканов «был сердитый, но отходчив»²⁸, «был хорошим, сын [К.А.] – хуже. [...] [А.В.] Полканов по происхождению из простых, но хорошо правил людьми, поэтому пробился к руководству»²⁹.

В.В. Александров вспоминал, как его мать, работница фабрики, два месяца пролежала в больнице. «Детям питаться было нечем. [...] [А.В.] Полканов [...] выписал 10 руб. И их не вычитал»³⁰. П.А. Аминеву помог тем, что «по просьбе отца [...] помог устроить его в контору, принимать товары от ткачей»³¹. А.Н. Колобова вспоминала, что после забастовки её не хотели брать снова, «но [А.В.] Полканов был хороший, на работу взял»³².

Стиль руководства, в том числе и в системе среднего звена, которое составляли помощники мастеров (рабочие называли их «погонялами»), при Третьяковых был патерналистским (характерные физические наказания – подзатыльники, драные уши, между прочим, вполне укладывались в эту систему), но со сменой поколений он становился жестче, заменялись штрафами. Рабочие скорее прощали горячность и отходчивость, нежели попытки манипуляции при помощи обмана.

Более всего нареканий вызывала деятельность В.А. Шевалдышева, зятя Третьяковых, человека на фабрике и (в «семье») постороннего³³. Все отмечали его хитрость, умение обмануть рабочих. Особенно обидела фабричных фраза директора, брошенная в ходе одной из забастовок, вероятно, в 1912 или в 1914 г.г. (упоминаются разные даты): «...была забастовка, рабочие требовали повышения зарплаты. Шевалдышев заявил, что накормит их горохом, чтоб не умерли с голоду»³⁴. Потом эту фразу вспоминали многие, в том числе и во время февральской революции, когда он ходил с красным бантом. Зато высоко ценили рабочие А.Н. Третьякову-Шевалдышеву, которая открыла (в новом здании) детские ясли, названные ее именем.

Самих Третьяковых, да и других пайщиков, рабочие видели редко, больше запомнили то, что по смерти их раздавали месячное жалованье. Исключением можно считать воспоминания бывшего бухгалтера БКЛМ, А.Д. Привалова «Третьякова после революции посадили в Петропавлов-

скую крепость. Рабочие написали петицию, и с ней делегация рабочих ездил в центр, чтоб его освободили. Его освободили»³⁵. Речь шла о С.Н. Третьякове, арестованном в качестве члена временного правительства.

Маркетинговая политика в менеджменте Товарищества БКЛМ давала свои плоды. В 1908 г. было проведено статистическое обследование, которое показало: из 6 тысяч работающих на фабрике 40% рабочих и 33,5% работниц имели стаж работы в промышленности свыше 11 лет, причем большая их часть, 30,7% рабочих и 26,6 % работниц проработали свыше 11 лет именно на этом предприятии³⁶. Стабильность кадров способствовала формированию корпоративного сознания. Так, уже в 1960 г. А.И. Пасхин с гордостью отмечал: «Вся семья Пасхиных проработала около 500 лет на фабрике Кашина»³⁷.

Отчасти эти обстоятельства и обусловили то, что предприятие Третьяковых долгое время избегало конфликтов между рабочими и администрацией, хотя начало забастовочного движения на других предприятиях Костромы относится еще к 1870-м гг.

Большевики называли отдельные цеха БКЛМ «костромским Порт-Артуром», поскольку их попытки вызвать там беспорядки неизменно терпели крах³⁸. Е.Н. Шумилова вспоминала, что «забастовку 1912 г. сорвали зарецкие и из дома труда»³⁹, т.е. рабочие деревень за р. Костромой и живущие в сборной Кашинской фабрики, в советские годы получившей название «Дома труда».

1905 год стал переломным в этом отношении, агитаторы (их в рабочей среде звали «политиканами»)⁴⁰ нашли пути воздействия на умы. Тем не менее, сами рабочие останавливать работу не решались, – этим занимались либо мальчишки, работавшие на фабрике (по воспоминаниям, «для мальчишек это было интересно»⁴¹, либо члены социал-демократического кружка. Они просто отключали рубильник и таким образом останавливали станки.

Позже старые рабочие вспоминали: «Зачинщиком забастовок была [Анна] Винокурова (ткачиха лет 45). Она давала сигналы останавливать станки. Часто Винокурову сажали вместе с ребенком (у неё была дочь). [А.В.] Полканов жалел их, и поэтому вновь принимал на работу»⁴² [1, №21].

Большинство рабочих Товарищества были заинтересованы в непрерывной работе предприятия, от которого зависели и их заработок. П.Ф. Семенова вспоминала: «В 1905 г. некоторые ватерщицы не хотели останавливать станки, бросали в зачинщиков рогульками и шайбами»⁴³. Е.К. Рыбина, работавшая на ажурных машинах, говорила, что «во время забастовок они работали. Им часто стучали в дверь, бросали камнями в окно, чтоб они останавливали машины»⁴⁴. Упоминались случаи, когда рабочих из-за станка выводили силой.

Тем не менее, и на Кашинской фабрике отмечались случаи недовольства, в первую очередь их причиной называли штрафы, которые получили распространение благодаря открытиям Ф.У. Тейлора в области регулирования труда (1884 г.). Однако наряду с поощрениями и штрафами эта система предполагала усовершенствование методов, оптимизацию операций. Между тем с организацией труда на БКЛМ дело еще долго обстояло неважно.

И.Д. Зворыкин, в 1913 г. поступивший на прядильную фабрику директором, так рассказывал о своих впечатлениях: «Первый раз, взойдя в помещение геклинг машин, я увидел и удивился, что часть рабочих стоит у машин, а часть валяется на очесе, и я спросил сопровождавшего меня служащего, что это значит. Тот мне ответил: «Это лежаки. Они лежат, а другая часть рабочих стоит у машин. Они станут к машинам, и те лягут. Так и чередуются»⁴⁵. И.Д. Зворыкин, будущий «красный директор», настаивал на интенсификации труда, введении сдельной оплаты, за что его клеймили большевистские листовки.

БКЛМ после 1905 г. захлестнула волна забастовок, сборная стала рассадником революционных идей, там проходили пленарные заседания Совета рабочих депутатов, которые воспринимались как официально разрешенные властями.⁴⁶

Само отношение к деятельности профессиональных революционеров было различным, колебалось от наивного любопытства – до безразличия. Так, Е.Н. Шумилова, оказавшаяся в сфере влияния революционно настроенных рабочих, вспоминала: «Придешь, хочется послушать про большевиков-то, думала, что они большие, Бляхин выступал, а я говорю, ой, какой маленький, а я думала большой»⁴⁷.

Она же вспоминала, что была членом больничной кассы, «но понятия не имела, т.к. была безграмотная». Встречались упоминания о том, что «участвовала в революционной работе механически»⁴⁸, либо вообще не проявляли интереса к этой стороне фабричной жизни⁴⁹. В нескольких случаях упоминается о том, что в рабочее время местом, где можно было отдохнуть, вздремнуть, попеть революционные песни, увидеть листовки – была уборная⁵⁰.

Однако встречались и рассказы о сознательной политической деятельности, особенно подробно освещены забастовки 1912 и 1915 г. В 1915 г. губернатор пытался решить дело мирным путем, уговаривал, но не уговорил. «Стрелять начали черкесы тогда, когда начали подпиливать телеграфный столб, чтоб не сообщили в город о забастовке»⁵¹, учитывая военное время и то, что фабрики выполняли военные заказы, это обстоятельство многое объясняет.

Все закончилось национализацией в 1918 г. и превращением БКЛМ в Первую Республиканскую фабрику.

-
- ¹ Закс А.Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь. Воспоминания (1905-1963) / Гос. историч. музей. Отв. ред. А.И. Шкурко. В 2-х кн. Кн.2: 1933-1963. М.: ГИМ, 2000. С. 166.
- ² Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.).
- ³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 13, 22.
- ⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 15.
- ⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1.
- ⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 12.
- ⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 16.
- ⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... №13, 14
- ⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи. № 1
- ¹⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 13.
- ¹¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2, 7.
- ¹² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 7, 18, 24.
- ¹³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6, 8, 26.
- ¹⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 17.
- ¹⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ¹⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6.
- ¹⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6.
- ¹⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1.
- ¹⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
- ²⁰ Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преемники Т/Д «Бр. П.и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1911/12. №30 (6). С. 1564.
- ²¹ Веселов С.Т. Рукопись // ГУК КГИАХМЗ. КМЗ КОК 16326/69.
- ²² Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.). № 13.
- ²³ Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преемники Т/Д «Бр. П.и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник мануфактурной промышленности. М., 1911/12. №30 (6). С. 1561.
- ²⁴ Духовное завещание П.М. Третьякова. Москва, 1896 г. сентября 6 дня // Губернский дом. 2006. №6. С. 46.
- ²⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 30.
- ²⁶ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 22.
- ²⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ²⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 7.
- ²⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ³⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ³¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
- ³² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 26.
- ³³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1, 2.
- ³⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ³⁵ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 15.
- ³⁶ Перепись рабочих на одной фабрике в г. Костроме. Кострома, 1910. Цит. по: Обетковский Н.А. Из истории развития промышленности Костромской губернии в начале XX века // Промышленность и пролетариат губерний Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Ярославль, 1976. С. 91.
- ³⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи Костромского музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ) КМЗ КОК 16326 (1960-1961 гг.). № 10.
- ³⁸ 1905 год в Костроме. Кострома : типолит. «Северная правда», 1926. С. 48.
- ³⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1
- ⁴⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 18, 20.
- ⁴¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ⁴² Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 21.
- ⁴³ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 2.
- ⁴⁴ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 20.
- ⁴⁵ Макарьев П.Ф. Иван Дмитриевич Зворыкин – инженер-льнянщик, энтузиаст, изобретатель, его деятельность и наследство. Кострома, 1940. [Рукопись] // ГУК КГИАХМЗ. Научная библиотека. Инв. № 3774.
- ⁴⁶ 1905 год в Костроме. Кострома: типолит. «Северная правда», 1926.
- ⁴⁷ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 1
- ⁴⁸ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 27.

-
- ⁴⁹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 25.
⁵⁰ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 6, 16.
⁵¹ Тетрадь рассказов к коллекционной описи... № 16.